

Завтра — Международный день театра

Наверно, гул стоит.
Смешай в одном сосуде
масло с уксусом —
Недружные разведутся
жидкости.
И не сольется с кlichem
победителей
Вопль побежденных — это
две судьбы кричат.

Времена, когда Международный день театра отмечался в нашей стране как торжество расцвета и взаимодействия мировых культур, ушли в призрачную даль. Расстрел Верховного Совета России совпал, однако, с незаурядным явлением в жизни театра — постановкой древнегреческой трагедии Эсхила «Орестея», осуществленной немецким режиссером Петером Штайном на русской сцене. Об этом согласилась рассказать ведущая актриса спектакля, исполнительница роли Клитемнестры — Екатерина Васильева.

— Мы живем в такое время, когда невозможно спрятаться от политики. 4 октября мой сын сказал: этого я не забуду никогда! Сказал, как кляту. И вся работа моя в этом спектакле проходит под знаком этого расстрела. Своей ролью я пытаюсь выразить свою гражданскую позицию. Один из святых отцов как-то сказал: актерский дар — дар проповеднический. И всю боль израненной души за поруганную Родину и поправное наше человеческое достоинство, всю ярость и слезы я вкладываю в крик моей Клитемнестры.

Сегодня Троию заняли ахейцы.
Нестройный там сейчас.

Конечно, когда я соглашалась на эту работу, я не могла не учитывать, что почти не снималась в кино в последнее время, очень мало играла в театре. Получив предложение Петера Штайна на роль Клитемнестры, я спросила благословения своего духовного отца. Батюшка скрепя сердце благословил меня на эту работу, потому что в любом случае эта работа вредная для души, если она замешана на безнравственной политической почве.

Честно говоря, то, что это спектакль сугубо политический, спектакль о власти, я поняла не сразу. Начались репетиции, и мне стало ясно, что я попала в западню.

Сов. Россия. - 1994. -
26 марта. - с.4.

С его, Штайновской, точки зрения, этот спектакль, конечно, его позиция по отношению к России. И это самое грустное. Однако сейчас, когда друзья-демократы Штайна, такие же западники, как и он, обрушились вдруг на него с уничижительной критикой, я должна сказать слово в его защиту. Штайн — мастер: сценография, простота и ясность постановки при достижении высокой трагедии — я говорю о первых двух частях спектакля — это прекрасная режиссура. Другое дело — политика. Но когда мы нападаем на Штайна за тенденциозность постановки, мы почему-то забываем, что и в Германии он ставил все то же. Да, у него типичное, мажорное, наднациональное сознание. Помните того, что оно интеллигентское, но он действительно так мыслит. И в данном случае мы получили все то, что приглашали. Что заказывали, то и исполнено.

Когда Штайн приглашал меня на роль Клитемнестры, он подчеркнул, что нет такой другой роли, которая бы настолько полно содержала бы в себе все женские ипостаси. И я согласилась. Согласилась потому, что считала, что это гениальный сюжет «преступления и наказания». А как актриса, я всегда несла в себе этот шифр главного свое-

го актерского назначения — раскрыть драму преступления и наказания.

Мы начали разговор с 4 октября. Как еще я могу выразить свою гражданскую позицию? Как человек церковный, я не смогу ее афишировать. мое дело молиться, что гораздо сложнее, чем участвовать в митингах. Я говорю это в объяснение тем людям, которые думают: вот отмалчивается, отсиживается... Итак, участие в «Орестее» Петера Штайна факт моей биографии. И я должна сделать все, чтобы обернуть свое участие в этом спектакле максимально малой кровью. выйти достойно из этой ситуации для себя и для зрителя. Я никогда не говорила с ним о политике, а если бы говорила, то не нашла бы общего языка. Мое неприятие его мировоззрения Штайн расценивает как «плохой мой характер», не понимая, что илет непримиримая нравственная борьба. Человек рафинированный, суперматериалист, с синдромом самокопания. Петер Штайн не может понять, что православная вера — не суеверие и не игрушки туземцев.

Его пригласили к нам люди точно такие же, как и он. Я знаю этих людей, сама жила среди них, сама была во власти приемов их жизни, но потом отказалась и отвер-

нулась от них, когда окрестилась. Но ему трудно это понять. И он, ставя спектакль, внедряет свои понятия и представления к нам, как Запад внедряет их к нам, стараясь сломать наши понятия, нравственность, души. Я думаю, здесь очень подхлестывает мысль Данилевского: «Запад нас не знает, потому что не хочет нас знать». Как же спросите вы, участвуя в этом спектакле, избежать насилия? Это очень сложный вопрос. И потому работа моя очень трудна. Нет, я не нарушаю рисунка Петера Штайна, я не имею права этого делать. Но чем я наполняю рисунок — это мое уж дело! И здесь я уверена, убеждена: смысл, который транслирую в зал, доходит до зрителя. И зритель, настроенный на мою волну, понимает меня. Конечно, я не могу победить весь зал. Сейчас прихолят в театр люди, которые ищут либо мою позицию, либо противоядие ей. А я во всем ужасе этой пьесы, через все это страшное пытаюсь пробиться к хорошему, сердечному, волнующему.

Нет, не будем, о мой милый,
новой крови проливать.
Без того уже печальна жатва
острого меча.
Без того уже довольно горя,
ужасов, смертей...

Я знаю, к каким струнам
внутри себя обращаю и что

Екатерина Васильева — разрушителям России

«НЕТ! Я НЕ С ВАМИ!»

передаю зрителю. На спектакль идет молодежь. И он должен прозвучать как предостережение новым кровавым развязкам, рожденным столкновением бурных страстей. Криком души своей Клитемнестры я ищущий путь гуманистического разрешения конфликтов. А Штайн своей постановкой предлагает идти назад. Я уже говорила об этом не раз, и пусть Штайн не обижается: этот спектакль вреден для тех, кто идет путем православия, путем, который, уверена я, избран Россией. Только здесь путь к возрождению.

Штайн говорит, что он знает Россию. На самом же деле не понимает ее абсолютно. Он общается с каким-то интеллигентским слоем московской элиты и их мысли считает мыслью России. А что они понимают, если в массе своей все они люди православные не образованные, чрезвычайно далекие от народа.

Когда я впервые увидела «Эвменид» (я в них не заня-

та), то волосы встали дыбом, ибо концовка спектакля для нас оскорбительна. А что же актеры, спросите вы. А актеры все те же, что зритель — все определяет политическая позиция. Все зависит от социальной, гражданской, религиозной ориентации. Но это работа за деньги. Классический западный вариант — без сантиментов, без любви, в которой всегда рождались спектакли в наших театрах. Здесь условия жесткие — не болеть, не опаздывать. И люди за это держатся, и себя я не исключая из их числа — ведь постоянный заработок на несколько лет.

— Ну а для русского театра, — спросите вы, — что может все это дать? — Все, что увидели мы в «Агамемноне» и в «Жертве у гроба» — здесь бури страстей человеческих, и это, конечно, нам важно. Работа актеров архисложна и этим прекрасна.

— Что есть профессия актера? — В конце концов это личность, которая обладает огромной способностью воздействия на зал. И для меня задаленная моя социально-политическая страсть здесь прорывается, и я обращаю гнев Клитемнестры в сторону тех, кто разрушает мою Родину.

Штайн поставил спектакль

только про власть, и больше ни про что. И если я буду играть только технически, он получит то, чего добивался. Поэтому я вынуждена вкладывать в Клитемнестру огромные силы души, чтобы противостоять Штайну. Я играю страдающего человека и буду это делать всегда. И это не только я. Сопrotивляется зритель. Сопrotивляется Россия. Если бы я играла бездумно, это было бы немислимимым духовным падением...

Слушая Екатерину Васильеву, я видела, как она страдает. И я спросила ее: вы способны и дальше выдерживать это страдание?

— Что делать?! Я страдаю оттого, что прибавляется ко всем моим грехам еще и это. А мне бы хотелось, уж если играть, то русский репертуар. Я никогда не играла Островского и один только раз Достоевского. Какой тогда был отклик в зрительном зале! Штайну в плюс пошли русские актеры. На спектакль каждый раз я прихожу, как на бой. И если бы духовный отец пустил бы меня когда-нибудь на трибуну митинга, я бы со всей страстью, яростью, гневом и болью Клитемнестры сказала им, тем, кто разрушает Россию, — нет! Я не с вами!

Интервью вел
Галина ОРЕХАНОВА.